

ФОРМИРОВАНИЕ АВСТРАЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

По ходу истории *австралийская этническая идентичность формировалась исключительно в силу политических решений*, сначала со стороны Британии, когда осужденных из Англии переправляли в далекую Австралию, таким образом решая две проблемы: переполнение тюрем и колонизацию нового континента, а затем — согласно решениям австралийского правительства. При этом можно выделить три этапа формирования австралийской этнической идентичности: (1) англо-кельтская (переселенцы и осужденные из Британии), (2) европейская (первоначальная англо-кельтская идентичность подверглась модификации за счет большого притока новых иммигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны согласно политическому решению австралийского правительства и превратилась по сути в европейскую идентичность на основе англо-кельтской) и (3) расширенная европейская за счет политики «азианизации» и мультикультурализма в 1990-х гг.

Население Австралии составляет 22 166 121 человек [Australian Bureau of Statistics...]. Согласно статистическим официальным данным, со времени Второй мировой войны в Австралию эмигрировало около 5,7 млн человек. В 2000 году в Австралии проживали 4,5 млн человек, которые родились за пределами Австралии, составляя почти 24 % населения Австралии. Более 53 % из них родились в Европе (в основном в Великобритании, Италии, бывшей Югославии, Греции, Германии) или в бывшем Советском Союзе. Почти 24 % из них родились в азиатских регионах (в основном во Вьетнаме, Китае, Филиппинах и Индии) [Australian Bureau of Statistics...].

В связи с переписью населения в 2001 году был проведен опрос, в ходе которого какой этнической группы считает себя респондент. 6,7 млн человек считают себя австралийцами (англо-кельтский австралиец является более широким термином, чем англо-саксонский австралиец, так как он подчеркивает культурное наследие первых поселенцев и их демографическую роль, а именно — переселенцев из Ирландии, Шотландии, Англии и Корнуолла), 6,4 млн — англичанами, 1,9 млн — ирландцами, 800 тыс. человек — итальянцами, 742 тыс. — немцами, 557 тыс. — китайцами, 540 тыс. — шотландцами. Затем шли следующие группы (количество людей между 150 тыс. и 500 тыс.): греки, голландцы, ливанцы, вьетнамцы, поляки.

1. Система ценностей и этническая основа формирования австралийской национальной идентичности до середины XX в.

Полагают, что задолго до прибытия европейцев, примерно за 40–70 тыс. лет (доисторический период Австралии до 1606 г.) [Australia colonized earlier than previously thought?..]. Австралию населяли люди, прибывшие из Азии в плейстоценовую эпоху, когда миграция из Азии достигла не только Австралии, но и Северной Америки (через существующую тогда сушу между нынешней Сибирью и Аляской). Австралия, Новая Гвинея, Тасмания и часть Гебридских островов образовывали единое пространство суши, поэтому было вполне возможно осуществить перемещение с юго-восточной Азии в Австралию через Малайский архипелаг с его частыми островами.

Когда в 1788 г. первый флот с европейцами-переселенцами прибыл в австралийскую бухту, там проживало, возможно, около 300 тыс. аборигенов, которые жили племенами и занимались охотой [Hughes 1996:9]. Существуют и другие версии, согласно которым в Австралии проживало около 500 племен, насчитывающих полмиллиона аборигенов. В 1788 г. английский капитан Артур Филлип прибыл в район Сиднейской бухты во главе 11 кораблей с 1500 человек на борту, из которых 736 были заключенными. Они были собраны со всей Англии, большинство — лондонцы. Первые прибывшие осужденные не были политическими заключенными. Среди них также не было осужденных за убийство или изнасилование. В основном это были те, кто совершил преступление против собственности или ограбление с насилием. В течение последующих 100 лет около 162 тыс. осужденных были перевезены из Англии в Австралию. Открытие в 1851 г. месторождений золота привело к увеличению потока свободных переселенцев [Clark 1995: 232]. К 1890 г. население Австралии составляло 3 млн человек, в основном британского происхождения. Население Австралии тогда имело самый высокий уровень доходов на душу населения в мире. Австралия вообще была одной из самых процветающих стран до 70-х гг. XX в.

В конце Второй мировой войны Австралия, наряду с США и Канадой, была самой богатой страной мира. Одной из главных причин экономического роста в XVIII–XIX вв. являлась связь Австралии с Британией. Промышленные достижения Британии послужили «взлетной полосой» для развития Австралии. Британия также дала большой приток британских иммигрантов — тех, кто не хотел смириться с устаревшими британскими законами, мешающими развитию промышленности. Австралийцы унаследовали промышленные и коммерческие принципы и практику,

банковскую и финансовую системы и политические институты. Однако их отличали *новый приоритет социальной справедливости и уважения к труду*. Колонисты с самого начала пытались изолировать себя от азиатских соседей. Федеральный совет колоний появился в 1885 г. В 1891 и 1897–1898 гг. на съездах был разработан проект Конституции, и после проведенных референдумов, одобдивших новое объединение, 1 января 1901 г. был образован Австралийский Союз. Именно тогда была принята государственная политика «белой Австралии», которая исключала иммиграцию «не белых» в Австралию. «Не белые» не могли въехать в страну, не столько якобы по причине цвета кожи, сколько по причине недостаточного уровня образования. «Не белым» предлагались соответствующие языковые тесты. Премьер-министр А. Дикин объявил, что «белая Австралия» означает равные законы и возможности для всех на этой земле, что, в свою очередь, означает социальную справедливость, которая будет установлена, включая справедливую торговлю и справедливую оплату труда. Считалось, что азиаты и островитяне бассейна Тихого океана будут использоваться в Австралии так же, как рабы на плантациях Америки, и, таким образом, обесценят физический труд и подорвут идеал равенства.

Жителям островов Тихого океана после 1904 г. не разрешалось иммигрировать в Австралию, а все те, кто уже жил в стране, были репатриированы к 1906 г. Фермеры, занимающиеся продажей сахара в Квинсленде и использующие труд азиатов, в связи с этим законом и потерей дешевой рабочей силы получили скидки на акцизный сбор, а затем вместо этих скидок — правительственную премию для поощрения развития производства [Сланевская 2001: 129]. *Этническая однородность была сразу создана в новом государстве, аборигены никогда не играли никакой роли в формировании австралийской идентичности*. Австралийская Федерация установила стратегию экономического развития и социальной защиты в форме пакта между трудом и капиталом, регулируемого государством, и способствовала формированию *особой австралийской системы социальных и политических ценностей* и в конечном счете австралийской национальной идентичности. Идея основной заработной платы, ниже уровня которой нельзя было опускаться (договора между работодателем и работником контролировались государством) и которая могла дать приличное обеспечение работающему белому мужчине для поддержания себя и своей семьи, включала две характеристики: недоверие к рынку и уважение к труду рабочего. Это был идеал независимости на основе труда, который стал основой социальных ценностей австралийцев. В годы депрессии, в 30-х гг. XX в., идеал независимого

труда был сильно подорван. Около $\frac{1}{3}$ австралийцев остались без работы [Capling, Crozier, Considine 1998: 122]. После Второй мировой войны полная рабочая занятость входила в программы всех партий. Лейбористы в своей программе сочетали элементы кейнсианской макроэкономической политики и старые австралийские традиции государственного вмешательства. Годы депрессии превратили старый средний класс австралийцев в класс, идеалами которого стали: добросовестный тяжелый труд, трезвая мораль и опора на собственные силы. Послевоенная политика премьер-министра Р. Мензиса выражала идеалы этого среднего класса, выходцем из которого он был [Сланевская 2001: 134].

После Второй мировой войны Австралия нуждалась в увеличении численности населения для развития промышленности и укрепления оборонной мощи страны. Впервые за всю историю своего существования австралийцы испытали шок от реальности вторжения на свою территорию. Послевоенная иммиграционная программа была создана из-за нехватки рабочей силы. Но вскоре стало очевидным, что мигранты являются также и хорошими потребителями. С мигрантами заключался двухлетний контракт, в основном это были люди сельского происхождения, низко квалифицированные. Они не составляли конкуренцию австралийцам, защищенным профсоюзными договорами. Но все же австралийскому правительству не удалось набрать желаемого числа иммигрантов из Британии или Западной Европы. В итоге основная масса иммигрантов приехала из Восточной Европы. Этнический состав населения Австралии заметно изменился. Население Австралии с 1947 по 1988 г. увеличилось до 16 млн человек. Более 60 % новых поселенцев были небританского происхождения. Бурный рост населения за счет иммиграции наблюдался дважды: первый раз он был связан с открытием месторождений золота, а второй — с окончанием Второй мировой войны. Таким образом, *англо-кельтская идентичность начала образования Австралийского Союза подверглась модификации за счет большого притока новых иммигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны и особой ценностной системы, созданной политикой государства на протяжении всей истории Австралии.*

2. Проект «азианизации» Австралии и критерии совместимости национальных идентичностей

Более широкий доступ к образованию, большая социальная мобильность и материальное изобилие способствовали созданию новых культурных и социальных моделей, особенно среди хорошо образованной и

хорошо обеспеченной молодежи послевоенного бума. Среди определенных групп общества стала раздаваться критика по поводу таких вещей, как доминирование материальных ценностей в сельской местности Австралии, ужасное положение аборигенов, дискриминация по отношению к женщинам при трудоустройстве и отношение к иммигрантам и мигрирующим рабочим. Аборигены получили равный рабочий статус в 1966 г., затем женщины — в 1969–1972 гг. В 1960-х гг. политика «белой Австралии» стала вызывать сомнения, и поддерживаемые государством иммиграционные программы стали менять этнический состав. С приходом к власти лейбориста Г. Уитлема политика «белой Австралии» окончательно была забыта. Правительство Уитлема (1972–1975) внесло значительные изменения во внешнеполитический курс Австралии. Расставание с идеалом «белой Австралии» означало то, что Австралия больше не могла игнорировать новые национальные государства в регионе. Согласно объявленной политике мультикультурализма в 70–80-х гг. XX в. Австралия должна была включить элементы не только западной культуры (имея, однако, в своем основании западный либерализм), но и других культур.

В 1980-х гг. правительство Р. Хоука особенно пристально стало смотреть в сторону Азии и проводить интеграционную политику с Азией. Азия стала рассматриваться как хороший рынок для Австралии и перспективный с точки зрения развития экономических связей. В 1994 г. новый премьер-министр Австралии П. Китинг заявил об историческом сдвиге в сторону Азии. В своей речи в Институте Азии и Австралии при Университете Нового Южного Уэльса Китинг объявил, что к 2000 г. он хочет, чтобы Австралия стала страной, культура которой была бы сформирована под воздействием окружающих азиатских стран, и сама Австралия оказывала бы воздействие на эти культуры. Ответственный редактор по внешнеполитическим делам Г. Шеридан написал в своей статье по поводу этой речи, что еще ни один австралийский премьер-министр не был так явно настроен на «азианизацию» Австралии (*Asianisation of Australian life*) [Sheridan 1994: 29–30].

Была организована программа по ознакомлению австралийцев с Азией. Эта программа называлась «Азиатская грамотность», или «Элементарные знания об Азии», девизом которой стал тезис: как можно больше узнать об Азии и как можно больше рассказать об Австралии [Сланевская 2001: 135]. Правительство Китинга поставило цель превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в главную тему внешней политики. Австралийский сдвиг в направлении к Азии наметился в первой половине 90-х гг. Программа «Элементарные знания об Азии»

предусматривала, что все австралийцы должны усвоить элементарные знания об Азии. До начала 1990-х гг. как изучению Азии в Австралии, так и изучению Австралии в Азии не придавалось значения. Интерес к Азии был вызван развитием экономик азиатских стран. Экономика стимулировала изменение языка политики. Правительство Китинга стремилось к тому, чтобы Австралию рассматривали как страну азиатского региона. Правительство поощряло азиатские инвестиции и рекомендовало австралийским бизнесменам вступать в деловые отношения с Азией.

В начале 90-х гг. в Австралии появились новые центры, созданные австралийским правительством по изучению Азии. Так, в 1992 г. был основан Азиатский образовательный фонд, целью которого было разработать школьные программы, дающие первоначальные знания об Азии. Представленный федеральному правительству в 1989 г. доклад рекомендовал не ограничиваться специальными факультетами по изучению Азии в высших учебных заведениях, но и знакомить с Азией студентов других факультетов. Результатом этой политики стало резкое увеличение числа австралийских студентов, изучающих японский язык (Австралия заняла первое место в мире по числу студентов, изучающих японский язык). Двусторонние соглашения и образование культурных фондов, например между Индонезией и Австралией, Японией и Австралией, также являлись важными механизмами по налаживанию образовательных, научных и культурных программ. Частная организация «Азиалинк», основанная при университете в Мельбурне, и созданные ею образовательные программы также были составной частью системы по изучению Азии.

В начале 90-х гг. появилось много новых городов-побратимов. Число студентов и учителей, посетивших Австралию или Азию по обмену, в начале 90-х гг. значительно увеличилось. В 1993 г. были открыты новые представительства в разных странах. Некоторые дипломатические миссии закрылись в Европе и Северной Америке, чтобы иметь возможность использовать освободившиеся средства для открытия новых в Азии. Однако азиатские страны продолжали воспринимать Австралию как западную страну внутри азиатского региона, несмотря на то что Австралия меняла тактику и все чаще начала принимать сторону Азии в спорных международных вопросах. Австралийские многосторонние переговоры имели смешанный успех в 1995 г. На встрече стран АСЕАН в Брунее министр иностранных дел Г. Эванс безуспешно пытался внушить азиатским лидерам мысль о том, что Австралия — это часть Азии, демонстрируя карту с Австралией посередине восточно-

азиатского полушария. Однако эта попытка «картографической дипломатии», как ее называли, не очень повлияла на мнение азиатских лидеров о принадлежности Австралии к Азии. Для азиатских стран Австралия осталась представительницей западных стран. В конце 1995 г. малазийский премьер-министр М. Махатхир окончательно отверг идею Австралии называть Австралию азиатской страной, указав ей на систему азиатских ценностей, которой она не имела, а также на разницу в понимании прав человека. Выступая, однако, в Сингапуре, в январе 1996 г., Китинг утверждал, что азиатские ценности являются и австралийскими.

Насаждение новой идентичности сверху дало негативную реакцию в Австралии. Азиатские соседи также отказывались верить, что Австралия когда-нибудь станет азиатской страной. В азиатско-австралийском обзоре событий за 1997–1998 гг. автор статьи «Двойное видение: как Азия и Австралия видят друг друга» К. Беннет сравнил мнения австралийцев о себе и азиатов об австралийцах. Мнение азиатов об австралийцах: австралийцы — потомки осужденных, признающие только белую расу, ленивые, неуправляемые, склонные к забастовкам, неохотно признают значимость чужих культур, необразованные, лицемерные, грубые и неотесанные, неточные в фактах и склонные к предвзятым суждениям. Тем временем австралийцы считают: азиаты воспринимают их страну как технологически более развитую, страну божьей благодати, в которую все азиаты стремятся приехать. Они считают, что азиаты любят австралийцев, доверяют им и ценят их за эгалитарность и дружелюбность. Как же они были бы удивлены, если бы узнали, что японские и южнокорейские туристы считают Австралию полуиндустриальной страной; японские туристы находят Австралию грязной и скучной, не предполагающей повторного визита; студенты из Юго-Восточной Азии находят уровень обучения низким; китайцы и вьетнамцы рассматривают Австралию как второсортную страну для эмиграции, а тайландцы говорят о том, что ходить по улицам австралийских городов небезопасно [Bennett 1997: 33–52].

Значительное увеличение числа иммигрантов из Азии наблюдалось после окончания войны во Вьетнаме. В основном приезжали с юго-восточной части Азии. К концу 70-х гг. приток иммигрантов из Азии составлял 30 %. Пик наблюдался в 1992 г., когда более половины иммигрантов приехали из азиатских стран региона. Затем пропорция стала меняться, и количество людей, прибывших из Азии, стало уменьшаться. Политика правительства Австралии постоянно находится под давлением как внешних сил, так и противоречивых сил внутри страны. Австра-

лия преследует внешнеполитический курс развития международных отношений с азиатскими странами, политика которых часто не соответствует западным стандартам.

Положение правительства усугубляется еще и внутренними противоречиями в стране в связи с процессом глобализации, способствующим разобшению монолитного национального восприятия многих политических вопросов. Возникновение партии П. Хэнсон под названием «Одна нация» в 1997 г. после выборов 1996 г. стало предметом широких дискуссий. Академики, политологи и широкая общественность пытались найти причину неожиданной популярности П. Хэнсон и ее программы. С. Джекмен [Jackman 1998: 167–186] в своей статье «Полина Хэнсон, массы и политическая элита: место расового вопроса в австралийской политической идеологии» использует данные по федеральным выборам 1996 г. и делает обзор мнений как кандидатов от партий, так и их электората относительно общей идеологической предрасположенности, включающей вопросы об австралийских аборигенах, иммигрантах и связях с Азией. Электорат придерживается более консервативных взглядов, чем кандидаты вообще, и намного более консервативных, чем кандидаты лейбористской партии в частности. В конечном счете, как показали данные Джекмена, политика коалиционной партийной группировки оказалась более совместимой с расовой идеологией электората, чем политика лейбористской партии и Китинга. П. Хэнсон стала хорошо известна после ее негативных выступлений по поводу закона об аборигенах и азиатской иммиграции. К 1999 г. произошли перемены в вопросе интеграции Австралии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. После азиатского экономического кризиса произошло резкое сокращение объема торговли, и новое правительство Дж. Говарда отказалось от плана «азианизации» австралийцев сверху. Политика *мультикультурализма* правительства Китинга, бесспорно, *повлияла на формирование австралийской идентичности: австралийцы, несмотря на непринятие плана «азианизации» сверху, расширили свою базовую европейскую идентичность в результате политики мультикультурализма.*

Вопрос о роли национальной культурной идентичности стал широко обсуждаться в начале 90-х гг. Г. Хофстеде предлагает подробные схемы и карты для ряда стран, согласно которым можно прогнозировать поведение людей на государственном и деловом уровнях [Сланевская 2001: 135–145]. Он приводит определенные закономерности относительно определенных ценностей. Эти ценности связаны с властью и неравенством, с отношениями между индивидуумом и группой людей, социальной ролью, ожидаемой от мужчины и женщины, с отношением к

неопределенности и приоритетом настоящего, прошлого или будущего. Если проследить культурное различие между Австралией и азиатскими странами — ближайшими соседями Австралии — и сравнить их по предлагаемым Хофстеде индексам, то можно прийти к неутешительному выводу: Австралии будет трудно «азианизироваться», а азиатским странам — «австрализоваться».

Приведем некоторые данные из таблиц Хофстеде с включением Австралии, некоторых азиатских стран, США и Великобритании: Хофстеде дает следующие *индексы дистанции власти* (ИДВ): Малайзия — 104, Австрия — 11, США — 40, Великобритания — 35, Австралия — 36, Филиппины — 94, Индонезия — 78, Сингапур — 74, Гонконг — 68, Таиланд — 64, Южная Корея — 60, Тайвань — 58, Япония — 54, Новая Зеландия — 22. Если в Австралии с индексом 36 позволительно выражать свое мнение в прессе и критиковать правительство, то для такой страны, как Малайзия с индексом 104, это кощунственно. Один из лидеров оппозиционной демократической партии Малайзии Карпал Сингх назвал поведение Китинга на конференции АПЕК в Сिएтле в 1993 г. и его резкое высказывание в сторону отсутствующего премьер-министра Малайзии Махатхира «ребяческим» и посоветовал ему научиться элементарным хорошим манерам, а лидер панмалайской исламской партии Ник Абдул Азиз Ник Мат отметил: «Что можно ожидать от лидера, чьи предки были бывшими осужденными и социальными отбросами?» [Сланевская 2001: 27].

Индексы индивидуализма (ИИ) по странам следующие: США — 91, Великобритания — 89, Австралия — 90, Новая Зеландия — 79, Япония — 46, Филиппины — 32, Малайзия — 26, Гонконг — 25, Сингапур — 20, Таиланд — 20, Южная Корея — 18, Тайвань — 17, Индонезия — 14. Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, США являются индивидуалистическими странами (если считать индекс 50 как нейтральный) с низким индексом дистанции власти. Все остальные вышеперечисленные страны Азиатско-Тихоокеанского региона являются коллективистскими странами с высоким ИДВ.

Третий критерий культуры стран по Хофстеде — женственность или мужественность. Ролевая модель взаимоотношений, демонстрируемая отцом и матерью, служит механизмом программирования ребенка. По *индексу мужественности* (ИМ) страны получаем следующие результаты: Япония — 95, США — 62, Великобритания — 66, Австралия — 61, Филиппины — 64, Новая Зеландия — 58, Гонконг — 57, Малайзия — 50, Сингапур — 48, Индонезия — 46, Тайвань — 45, Южная Корея — 39, Таиланд — 34.

В отличие от ИИ (индекса индивидуализма) индекс мужественности не относится к уровню экономического развития. Такие страны, как Новая Зеландия, Австралия, США, Великобритания, являются странами с примерно одинаковым ИМ и примерно одинаковым ИДВ и относятся к странам с низким ИДВ и высоким ИИ. Остальные страны, упомянутые выше, имеют высокий ИДВ и, за исключением Гонконга и Филиппин, относятся к странам с индексом женственности.

Четвертым критерием культуры страны, согласно Хофстеде, является желание избежать неопределенности, которое измеряется через *индекс избегания неопределенности* (ИИН). Индекс избегания неопределенности (ИИН) по странам следующий: Сингапур — 8, США — 46, Великобритания — 35, Австралия — 51, Япония — 92, Южная Корея — 85, Тайвань — 69, Таиланд — 64, Новая Зеландия — 49, Филиппины — 44, Малайзия — 36, Гонконг — 29. В странах с низким ИИН будут поддерживаться нововведения и наблюдаться терпимость к неортодоксальности. В странах с высоким ИИН то, что отличается от обычного или общепринятого, воспринимается как опасное.

Пятым критерием Хофстеде называет *индекс Конфуция* (ИК). Этот критерий говорит о том, является страна ориентированной на настоящее, прошлое или будущее, и связан с основными принципами учения Конфуция. Странам приписываются следующие индексы: Китай — 118, США — 29, Великобритания — 25, Австралия — 31, Гонконг — 96, Тайвань — 87, Япония — 80, Южная Корея — 75, Таиланд — 56, Сингапур — 48, Новая Зеландия — 30, Филиппины — 19.

Показатели Великобритании и Австралии по всем критериям почти совпадают, дают о себе знать британские корни. А по первым трем критериям Австралия чужда народам Азиатско-Тихоокеанского региона, за исключением Новой Зеландии. У Австралии низкий индекс дистанции власти, высокий индекс мужественности, она принадлежит к индивидуалистическим странам. По индексу избегания неопределенности Австралия занимает нейтральное положение среди этих стран, по индексу Конфуция — низкое, как Сингапур, Новая Зеландия, Филиппины.

Заключение

Австралийская этническая идентичность формировалась искусственным путем согласно политическим решениям. В этом ее уникальность. Австралийская англо-кельтская идентичность, созданная за счет транспортировки британских осужденных в Австралию, подверглась

модификации за счет большого притока новых эмигрантов из Восточной Европы после Второй мировой войны согласно иммиграционной политической программе Австралии. Глобальные процессы и бурный экономический успех азиатских стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе на фоне экономического упадка в самой Австралии заставили австралийское правительство принять новую дипломатическую позицию в регионе — позицию активного сотрудничества с азиатскими странами и политику мультикультурализма в самой стране. Попытка премьер-министра П. Китинга в 1990-х гг. изменить сверху австралийскую идентичность, т.е. «азианизировать» австралийцев с помощью специальных государственных программ с целью более плодотворного экономического сотрудничества с азиатскими государствами, принесла противоречивые результаты. С одной стороны, наблюдался некоторый подъем национализма в Австралии, в частности, была организована партия П. Хэнсон, выступающая против возросшего потока азиатских иммигрантов и мигрирующих рабочих, с другой стороны, благодаря политике «азианизации» и мультикультурализма произошло расширение базы австралийской (европейской) идентичности. Глобализация изменила сложившиеся социальные ценности в обществе в ходе истории страны (социальная справедливость при поддержке государственного вмешательства в экономику, эгалитарность, уважение к труду, независимость через труд и т.д.), ослабила или ликвидировала старые социально-государственные институты, что, в свою очередь, также привело к модификации австралийской национальной политической идентичности, но уже под влиянием глобальных политических процессов.

***

Сланевская Н.М. Интеграционная политика Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 90-х годах XX в. СПб. 2001.

Australian Bureau of Statistics, Population clock // Официальный сайт Австралийского бюро статистики. URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs%40.nsf/94713ad445ff1425ca25682000192af2/1647509ef7e25faaca2568a900154b63?OpenDocument> (дата обращения: 25.02.2010).

Australian Bureau of Statistics, Australian social trends // Официальный сайт Австралийского бюро статистики. URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/7d12b0f6763c78saca257061001cc588/af5129cb50e07099ca2570eb0082e462!OpenDocument> (дата обращения: 18.08.2008).

Australia Colonized Earlier than Previously Thought? // The West Australian, 19 July 2003 // сайт Archaeo News. URL: <http://www.stonepages.com/news/archives/000236.html> (дата обращения: 20.08.2008).

Bennett K.C. Double Vision: How Asia and Australia See Each Other // The Asia–Australia Survey 1997–1998, eds B. Bishop and D. McNamara, Centre for the Study of Australia-Asia Relations, Griffith University, Melbourne, 1997. P. 33–52.

Capling A., Crozier M., Considine M. Australian Politics in the Global Era. South Melbourne, 1998.

Clark M. History of Australia. L., 1995.

Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. L., 1992.

Hughes R. The Fatal Shore. L., 1996.

Jackman S. Pauline Hanson, the Mainstream and Political Elite: the Place of Race in Australian Political Ideology // Australian Journal of Political Science. 1998. Vol. 33. № 2. P. 167–186.

Sheridan G. Keating's Asian Vision // Weekend Australian. October. 1994. P. 29–30.